

АЛЬКА.

Алька маленькая, а блестящий черный рояль на сцене очень большой. Поэтому Алька может спать на нем, положив под рыжеволосую кудрявую голову свернутый в подобие подушки нижний край бархатного занавеса. Занавес пыльный, но Алька привыкла так спать, потому что Алькина мама – режиссер, она руководит самодеятельным театром во Дворце культуры и у нее часто горят спектакли. Алька не понимает, как спектакль может гореть (он спички что ли?), но она знает, что когда горят спектакли, начинаются ночные репетиции.

Алька маленькая, это верно, но она не хнычет и не просится домой. Вовсе не потому что ее не с кем оставить: у нее есть верная собака Джемка и старшая сестра Наташа, которая уже ходит в школу. С Джемкой можно забраться под стол и играть в пещеру, а с Наташей сесть у окна и смотреть, как на самом высоком доме в городе бегут друг за дружкой буквы. Это называется – «бегущая строка». Наташа показывает Альке где какая буква и учит ее читать. Наташа всегда чему-нибудь ее учит, потому что она старшая и ходит в школу. Но Алька ей не завидует, она уже знает, что в школе ничего хорошего нет, ведь Наташа часто играет с ней в школу. Вот уже два года, как она ни во что другое играть не хочет, будто все другие игры забыла...

Но без мамы дома все равно скучно, особенно когда надо ложиться спать. Наташка убежала на каток, а Алька пошла с мамой на репетицию. Во Дворце всегда интересно, даже если мама занята.

Можно устроиться рядом с ней на соседнем кресле и смотреть, что происходит на сцене. Альке смешно, что у всех ее знакомых артистов другие имена и ведут они себя не так, как в жизни. Это называется спектакль. А у мамы – волшебные ладоши, она в них хлопает и спектакль останавливается. Даже если там происходит что-нибудь страшное, даже если дерутся на шпагах (хотя на драку это не похоже, а Владик с Шуриком будто танцуют, и синяков никаких нет), ссорятся или даже целуются – все, все замирают и смотрят на Алькину маму. Потому что мама все знает: как драться, как ссориться и как целоваться, где надо сесть, когда встать и из какой кулисы выходить.

Артисты у мамы разные, есть очень даже старше мамы, совсем седые и с морщинками, как Алькина бабушка. Все называют их Иван Михайлович, Юрий Максимович, Анна Трофимовна, но и они все до одного слушают, что говорит Алькина мама.

Репетиция тянется долго, и Альке надоедает сидеть на одном месте.

- Далеко не ходи, не отрывая глаз от сцены говорит Альке мама.

Она далеко и не пойдет. Все, что во Дворце, это ведь не далеко, а из Дворца она не выйдет. За стенами зима. Одеваться самой трудно, шуба тяжелая. И хотя Алька очень-очень любит бегать по морозу раздетая и чувствовать, как колючие лапы щиплют за руки, за ноги, нос и живот, она решает не расстраивать маму. Мама всегда очень переживает, если увидит, что Алька бегаёт без шубы, думает, что Алька простынет, но Алька не простынет больше никогда. В парке весело: уже построили горку, и елку поставили, всюду огни, музыка... Но на катке Наташка, она увидит Альку без шубы и пожалуется Маме. Нет не пойдет Алька в парк, лучше по Дворцу побродит. Во дворце все свои, потому что все Альку знают.

Дворец очень красивый. Всюду колонны, картины, лепные потолки, широкие лестницы, а перила у лестниц такие, что можно сесть верхом и скатится вниз. Еще растут пальмы в кадучках, и везде зеркала от потолка до пола. В таких зеркалах помещается вся Алька, холл и кусочек лестницы. А сколько во Дворце закутков и коридоров! И Алька все их знает. Еще бы! Первый раз мама взяла ее с собой на работу, когда Альке было всего 2 месяца. Мама поставила ее коляску за кулисами, а сама вела репетиции. Если вдруг Алька просыпалась и плакала, мама объявляла перерыв и шла кормить Альку, а потом снова репетировала. Но Алька не думает, что так уж часто она плакала.

Дворец у них большой, и кружков здесь много. Алька долго смотрит в замочную скважину в двери изостудии: нет ли противного долговязого мальчишки, который ее все время дразнит? Мальчишки нет, и Алька заглядывает. Ребята здесь все большие, но руководит ими художница из маминого театра. Утром в театре она придумывает костюмы и декорации к спектаклю, а вечером ведет этот кружок. Алька с ней дружит. Один раз Таня даже дала ей раскрасить буквы на большой афише.

Таня Альке кивает: заходи, мол. Алька протискивается в дверь, усаживается у батареи. Таня дает ей бумагу и краски с кисточками. Здесь не то что в детском саду: красок много и кисточки разные-разные, а еще есть палитры и мольберты. Рисует Алька увлеченно, высунув кончик языка.

- Забавная, - шепчет одна девочка за мольбертом другой и делает карандашный набросок на краю листа, очень похожий на Альку.

Альке хочется нарисовать красивую даму в шляпе на качелях с цветами, но у нее не получается. Она расстраивается и уходит. Не все умеют рисовать. Ну и что? Будто обязательно всем уметь!

Лучше пойти к эстрадникам, там много интересного. Пол обтянут зеленой ворсистой тканью, будто по траве ходишь, на полках пластинки стоят, их очень много, даже в театре столько нет; на стенах фотографии и афиши: где и когда выступал эстрадный оркестр. Алькин папа тоже есть на этих фотографиях. Алька долго на него смотрит,

потом подходит к инструментам. Инструментов много, но больше всего разных труб. Они блестят и тяжелые. Альке нравится гладить их отполированные бока и смотреть на свое смешное отражение: Алькино лицо растягивается и перекашивается.

Репетиция в оркестре уже закончилась, но никто не расходится, сидят, разговаривают, курят. Альку отсюда никто не гонит, потому что ее папа самый главный в оркестре ведущий, он все их концерты ведет. Только он сейчас в командировке. Папа часто ездит по командировкам в разные города и всегда что-нибудь привозит вкусненькое. Конфеты, например. Папа знает толк в конфетах, он наверное их столько перепробовал, и привозит всегда самые вкусные. И игрушки привозит. В прошлый раз привез желтую обезьянку, которая умеет кувыркаться, если ее завести.

- Что, Алька, скоро папка приедет? – спрашивает ее дядя Веня. Он трубач и папин друг.

- Скоро, - уверенно заявляет Алька, хотя мама сказала, что через неделю. - Может, даже завтра.

Алька смутно представляет, сколько это – неделя. И почему бы неделе не кончиться завтра? Ведь завтра – это так близко и понятно: уснуть, проснуться – вот и завтра!

Еще открыты комната цирка и танцкласс, но Алька не идет туда, там все такие задаваки! Она спускается по широкой лестнице, придерживая пальцами подол платья, она та самая дама в шляпе. Очень красивая! Она – младшая дочь одного короля, все младшие дочери самые главные в любой сказке. В детском саду они с девочками часто играют. Придумывают сказку и играют в неё. Кто придумал сказку, тот – старшая принцесса, старшей тоже быть хорошо, все слушаются. А младшей бывают все по очереди. А мальчишки у них всегда разбойники. Кем же им еще быть? Алька часто придумывает сказку, поэтому младшей принцессой, в которую все всегда влюбляются, она бывает очень редко. Но ведь, когда одна играешь можно быть, кем хочешь...

В фойе Алька забирается под бильярдный стол. Красная бархатная скатерть спускается до пола и кажется, что ты в домике. Нет, в пещере. Принцессу в шляпе похитили разбойники и посадили в пещеру. В пещеру проникает музыка и смех – это с катка. Алька выбирается из-под стола и смотрит в окно. На улице темно, но прожектор освещает весь каток. Здорово иметь коньки! Алька просит, просит ей купить, а мама все время говорит, что она ещё маленькая. А недавно сказала, что денег нет. Вот так всегда: стоит вырасти, так сразу деньги кончаются! А Наташкины коньки Альке велики даже с тремя шерстяными носками.

Алька начинает кружиться под музыку. Хорошо бы стать балериной и так кружиться, кружиться...

- Аля, вот ты где!

Это Оля, мамина артистка. Она протянула Альке руку.

- Пойдем чай пить. У нас перерыв.

- Пойдем, - соглашается Аля.

Когда проходили мимо лестницы, Аля зажмурилась, чтобы не смотреть вниз. Там внизу, в темноте (даже днем там темно!), живет Огневушка – Поскакушка. Она пляшет, поднимаясь по воздуху, машет платком, и сердито усмехается, глядя на Альку. Она злая. Аля ее боится. И если не успеет зажмуриться, увидит Огневушку, то ночью потом заснуть не может. Это только в сказке она добрая, а на самом деле... Аля даже думать про нее боится и мимо этой лестницы старается не ходить. Но ведь сейчас она с Олей, взрослые всегда ходят там, где им хочется и не боятся.

Самое лучшее в репетициях – это перерыв. Есть перерывы маленькие, они называются «перекур», это неинтересно: все стоят курят в коридорчике у сцены, где написано « Не курить!» (Зачем написали? Все же здесь курят!). А большой перерыв – это то, что надо, настоящее чаепитие. Только бывает редко, когда «спектакли горят» и репетиции затягиваются за полночь. Артисты в такие дни приносят с собой разные вкусные вещи: варенье в маленьких баночках, печенье, оладушки. Варя всегда ватрушки приносит, а Алькина мама печет пирог с капустой. В большой перерыв ставят чайник в буфетной, накрывают стол. Когда Аля не занята, она помогает: кружки расставляет, за чайником следит...

Разговор за столом всегда веселый. Иногда Альке кажется, что дразнятся, но все смеются, и она тоже смеётся, только оттого, что другим смешно. Над Алькой тоже иногда смеются, особенно Владик. Всегда говорит что-нибудь обидное. Аля обижается на него и на остальных, что они хохочут над ней, она уходит из-за стола, хоть Владик и кричит вслед:

- Это шутка, Аленький!

Очень нужны ваши дурацкие шутки! Вот у папы Алкиного шутки, так шутки, от них Альке всегда смешно. А это разве шутки, если плакать хочется?

Аля прячется в уголок, где висят костюмы, и дуется на весь белый свет. Обиднее всего, что там весело сейчас без неё и все едят капустный пирог, который, между прочим, её мама испекла! Альке хочется выйти из своего укрытия и вернуться за стол, как ни в чем не бывало, будто она и не обижалась вовсе, но что-то мешает ей. Это что-то (Аля и сама не понимает что) прилепило ее к месту и сдвинуться не дает, хотя уже, честное слово очень хочется к столу, капустного пирога и даже на Владика она уже не сердится! Но Аля сидит и сидит, и ей уже кажется, что целый час прошел.

Наконец Владик приходит мириться. Но все тоже «что-то» мешает Альке с ним заговорить, она молчит, разглядывает то свои ноги в валенках, то Владиковы в кедах. Но потом Владик обязательно что-нибудь смешное скажет и Алька засмеется. Тут уж Владик хватает ее на руки, подбрасывает к потолку несколько раз, Алька хохочет на весь театр, да так, что у нее бока начинают болеть. И дальше все совсем хорошо: и чай, и капустный пирог, и довольная Владиком Варя.

Самый большой недостаток у перерыва, что он заканчивается, начинается репетиция и всем опять не до Альки. Алька слоняется за кулисами, а потом незаметно пробирается в карман, хотя ходить туда ей строго-настрого запрещено. Карман – это такое место, где хранятся декорации. Смешное название – «карман», будто сцена – это пальто с карманами. Очень высокий потолок в кармане. Почти как небо. Алька запрокидывает голову, смотрит вверх. Какой же великан красил этот потолок? Осторожно Алька идет между нагроможденных декораций, ей хочется выбраться на балкончик с узорной решеткой. С балкончика видно реку и поезда. Но балконные двери закрыты на замок и перегородены деревянным сундуком. Этот сундук из маминого спектакля про Золушку. Алька забирается на него и смотрит в щелочку между дверьми. Ни поездов, ни реки не видно. Зато Алька видит фонарь и как падает крупный снег. Алька долго смотрит на фонарь и на снег, потом замерзает. А артисты все что-то говорят на сцене, а мама то и дело их останавливает, и все повторяется и повторяется сначала. Горит, горит спектакль...

Уставшая, полусонная Алька взбирается на рояль за кулисами, поднимает и комкает подушкой нижний край занавеса, сворачивается калачиком и медленно засыпает под голоса на сцене и мамины хлопки.

- Смотри какая красота, - сказал Владик Варя, - рыжие кудряшки на черном рояле.

- В свете прожектора, - добавила Варя.

- На фоне алого занавеса. Ах, Варенька, почему я не художник? Какая вышла бы картина!

- Каждый человек – художник, - строго сказала Варя. – Вот хоть у Альки спроси, уж она-то знает.

Но Алька спит и не слышит. Ей снится залитый светом каток, и медные трубы, и дама в шляпе, и дворник Юрий Максимович, и поезд, в котором скоро приедет папа. Поезд поет веселую песенку: тук-тук, тук-тук, тук-тук... И в такт этой песне стучит Алькино сердце, и стук его еле слышно отдается в огромном рояле.